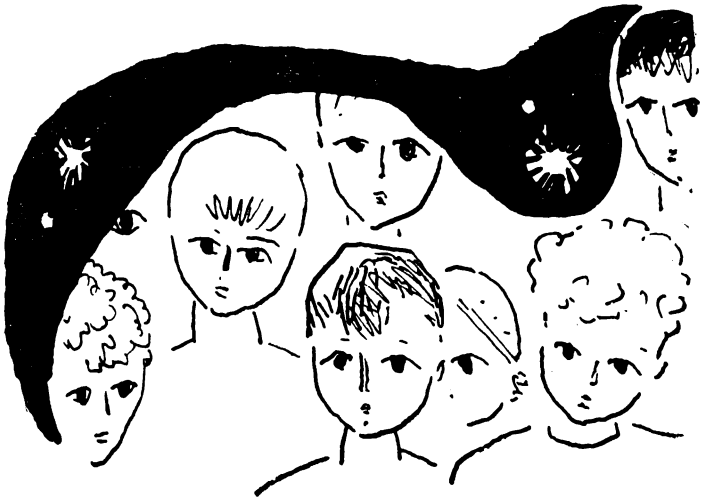

ВОСПИТЕЛЫ

Фантастический рассказ

Кончилась первая неделя занятий. Джонсон Дин, инспектор Милвиллской школы второй ступени, в пятницу под вечер, сидя за столом, наслаждался тишиной и сознанием исполненного долга. Тишину нарушил мускулистый белокожий тренер Джерри Хиггинс. Он вломился в кабинет и тяжело плюхнулся в кресло.

— Ну, можете отменить состязания по регби в этом году, — со злостью проговорил он. — Прямо хоть выметайся из ассоциации.

Дин отодвинул в сторону бумаги, с которыми работал, и откинулся в кресле. Луч заходящего солнца упал из окна на его пышную серебряную шевелюру и превратил ее в сверкающий ореол. Его белые, морщинистые, с голубыми прожилками руки старательно разглаживали поблекшую складку на поблекших брюках.

— Ну, что случилось? — спросил он.

— Это все Кинг и Мартин, мистер Дин. Они не хотят выступать в этом сезоне.

Дин хмыкнул сочувственно, но как-то неискренне, словно в глубине души он был с ними заодно.

— Давайте-ка разберемся, — сказал он. — Если память мне не изменяет, в прошлом сезоне эти двое были одними из сильнейших. Кинг был защитником, а Мартин — нападающим.

Хиггинс прямо зашелся от праведного гнева:

— Да слыханное ли это дело, чтобы нападающий сам решил бросить игру? И не просто какой-нибудь рядовой игрок, а один из лучших. На нем в прошлом году буквально все держалось.

— Конечно, вы с ними уже беседовали?

— Да, я встал перед ними на колени, — ответил тренер. — Спросил, хотят ли они, чтобы меня уволили. Спросил, нет ли у них чего против меня. Сказал, что они подведут всю школу. Сказал, что без них считай, что у нас нет команды. Они не смеялись надо мной, но...

— Они и не будут смеяться, — сказал Дин. — Эти мальчишки — настоящие джентльмены. По правде говоря, все наше молодое пополнение...

— Все до одного слюнтяи! — взвился тренер.

— Ну, кто как считает, — мягко возразил ему Дин. — В моей жизни бывали периоды, когда я тоже не был склонен придавать регби такое значение, которое, казалось бы, следовало.

— Ну, это другое дело, — заметил тренер. — Когда человек становится взрослым, понятно, что его уже меньше интересует игра. Но ведь эти двое — мальчишки. Тут что-то ненормальное. Они молодые, им бы просто землю рыть. У всех нормальных мальчишек должно быть сильно развито чувство соперничества. Но даже если этого нет, хоть бы о выгоде подумали. Ведь всякий выдающийся регбист при поступлении в колледж...

— Нашим ребятам не нужны спортивные надбавки, — довольно резко прервал его Дин. — Они получают больше чем стипендию...

— Да если б у нас было побольше игроков, разве бы мы так убивались по Кингу и Мартину? — застонал Хиггинс. — Пусть мы бы не всегда выигрывали, но все же у нас была бы команда. А то, что у нас сейчас... Мистер Дин, вы отдаете себе отчет, что с каждым годом игроков все меньше и меньше? Вот сейчас у меня нет...

— Так вы говорили о Кинге и Мартине. Вы убеждены, что они не передумают?

— А знаете, что они мне сказали? Что регби мешает их занятиям!

Хиггинс произнес эти слова таким тоном, что в его устах они прозвучали тяжким обвинением.

— Стало быть, придется с этим примириться, — бодрым тоном произнес Дин.

— Но это ненормально! — запротестовал тренер. — Не существует таких мальчишек, которые бы о занятиях думали больше, чем о регби. Таких мальчишек, которые бы уткнулись в книжки...

— Такие мальчишки существуют, — ответил Дин. — Да их полным-полно и здесь, в Милвилле. Если не верите,

можете взглянуть на их отметки за последние десять лет...

— Н-да, они ведут себя не как мальчишки, а будто взрослые люди. — Тренер покачал головой в знак того, что это выше его понимания. — Стыд-позор! Ну, если еще хоть кто-то из «старичков» сделает от ворот поворот, придется возвращать новую команду.

— Так же, как мы у себя в школе растим юношей и девушек, которыми потом, быть может, будет гордиться Милвилл.

Тренер сердито встал.

— Нам не выиграть ни у кого, — предупредил он. — Даже у Багли.

— Вот уж из-за чего я не стану очень расстраиваться, — философски заметил Дин.

Он спокойно сидел за столом и слушал, как шаги тренера гулко отдаются в коридоре и замирают вдали.

Он услышал характерный посвист и дребезжанье автощетки, которая подметала лестницу. Интересно знать, куда запропастился Стаффи. Небось где-то шляется, в этом нет сомнений. Имея под рукой все эти автощетки и автопротиратели, Стаффи был не слишком загружен уборкой. Хотя, впрочем, в свое время работы у него было по горло, он хлопотал с утра до ночи и прекрасно убирал помещения.

Стаффи, по сути дела, можно было бы уволить уже несколько лет назад. Но теперь не увольняли так легко, как раньше. Когда люди достигли звезд, на человеческую расу легло непосильное бремя. «Стоит только начать увольнять людей, — подумал Дин, — как я и сам окажусь без работы».

Для него ничего не может быть страшнее. Потому что Милвиллская школа была его детищем. Он сделал ее своим детищем. Ибо больше полувека он жил ради школы — сначала он был молодым учителем-энтузиастом, потом директором, а последние пятнадцать лет — инспектором.

Он отдал ей все, что имел. И она заменила ему все — жену, ребенка, семью, она была и началом, и концом. Ему было приятно все — и что сегодня пятница, и что начался новый учебный год, и что Стаффи бродит где-то здесь, и что нет спортивной команды — точнее, почти нет.

Он поднялся из-за стола и выглянул в окно. Лужайку пересекала студентка; видно, она где-то задержалась и теперь шла домой. Он ирищурился, почти уверенный, что перед ним Джуди Чарльсон. Когда-то давно он знал ее деда и подумал, что у девушки походка Генри Чарльсона. Он хмыкнул, углубившись в воспоминания. Насколько ему помнится, на старину Чарльсона нельзя было особо полагаться в практических вопросах. В те времена он буквально бредил турбоносителями для старта космических кораблей.

Дин прогнал прочь мысли о прошлых днях, стремясь стереть их из памяти. Предаешься воспоминаниям — значит, старость надвигается, значит, впадаешь в детство.

И все же старина Генри Чарльсон мог гордиться: он был единственным человеком в Милвилле, который когда-то имел хоть какое-то отношение к космическим кораблям. Конечно, кроме Леймонта Стайлса.

Дин едва заметно ухмыльнулся, вспомнив Леймонта Стайлса, его непреклонность и то, как через много лет он возвысился, к величайшему раздражению тех, кто самонадеянно предрекал, что он добром не кончит.

Конечно, теперь не осталось ни одной живой души, которая знает или когда-то знала, к чему же в конце концов пришел Леймонт Стайлс. Или к чему он приходит сейчас.

Быть может, в эту минуту Леймонт Стайлс шагает по улице некоего фантастического города на некой отдаленной планете, подумал Дин.

Рисунки К. ЭДЕЛЬШТЕЙНА

И если это действительно так и есть и если он когда-нибудь снова вернется в родные места, кого привезет он с собой на этот раз?

Когда он вернулся домой в последний раз — а он и приезжал-то всего однажды, — он привез Воспителл, и это было очень чудно.

Дин отвернулся от окна и опять пошел к письменному столу, сел, пододвинул к себе бумаги. Но работа не шла ему на ум. Такое случалось с ним нередко. Стоит только подумать о прежних временах, когда было много друзей и много интересных дел, как погружаешься в воспоминания настолько, что больше уже не можешь сосредоточиться.

Он услышал в холле знакомую поступь и отодвинул бумаги в сторону. По шаркающей походке он узнал Стаффи — видно, тот решил зайти, чтобы скоротать время.

Дин с удивлением отметил, что в глубине души он с нетерпением ожидает предстоящей встречи. Кое-кому это могло показаться необычным, хотя на самом деле здесь не было ничего особенно странного. Немного оставалось таких, как Стаффи, с которыми Дин мог поговорить по душам.

Со стариками происходят чудеса, думал он. Годы ослабляют или рвут узы прежних дней. Старики умирают, или уходят со сцены, или их одолевают немощи. Или же старики замыкаются в себе, в своем внутреннем мире, где они ищут покоя, которого больше не могут найти в мире внешнем.

Стаффи прошлепал к двери, остановился и, прислонившись к косяку, вытер грязной рукой обвислые желтоватые усы.

— Что это с тренером? — спросил он. — Выскочил отсюда как ошпаренный.

— У него нет спортивной команды, — сказал Дин. — Или он только говорит, что нет.

— Каждый сезон одно и то же, — заметил Стаффи. — Прямо представление какое-то.

— Ну, а на этот раз, может быть, и нет. Кинг и Мартин не выйдут на поле.

Волоча ноги, Стаффи сделал еще несколько шагов и уселся в кресло.

— Это все Воспителлы, — заявил он. — Их рук дело. Дин подался вперед.

— Что ты такое говоришь?

— Я наблюдал за ними долгие годы. На всех ребятах, которых они воспитали или которые ходили в дошкольную группу, лежит какая-то печать. Что-то они делают с ребятами.

— Вот еще выдумки! — сказал Дин.

— И вовсе не выдумки, — Стаффи упрямо стоял на своем. — Ты же знаешь, я без предрассудков. Только потому, что они, Воспителлы, с какой-то другой планеты... Да, скажи, а ты узнал, с какой планеты они прилетели?

Дин покачал головой.

— Не знаю, что там говорил Леймонт. Может, он и рассказывал, но я никогда не слышал.

— Они какие-то необыкновенные, — сказал Стаффи, медленно поглаживая усы с таким видом, будто он обдумывал каждое слово, — но я никогда не ставил им этого в упрек. В конце концов не только они на Земле чужаки. То есть в Милвилле, конечно, они одни, но в разных концах Земли ведь живут тысячи других обитателей звезд.

Дин кивнул, соглашаясь с ним, но едва ли осознавая, с чем же именно он согласен. Однако он ничего не сказал — это было бесполезно. Стоит только Стаффи затеять разговор, так уж его не остановишь.

— Они кажутся порядочными, — сказал Стаффи. — Никогда не спекулируют чьим-то доверием. Когда Леймонт уехал и оставил их здесь, сами устроились и никогда ни-

кого не просят за них вступиться. Все эти годы они жили как порядочные, вот и все, чего можно от них ждать.

— Но все же, по-твоему, они кое-что дали ребятам? — сказал Дин.

— Они изменили ребят. Разве ты не заметил?

Дин покачал головой.

— И не думал. Я знаю этих ребят много лет. Я знал и их родителей. Как же, по-твоему, они изменились?

— Они слишком быстро развиваются, — сказал Стаффи.

— Конкретнее, — отрезал Дин. — Кто их развивает, как так слишком быстро?

— Да, Воспителлы уж очень развивают детей. В том-то и беда. Здесь у нас школа второй ступени, а ребята совсем как взрослые.

Откуда-то снизу донеслось унылое жужжанье автощетки.

Стаффи вскочил на ноги.

— Это подметалка. Держу пари, она опять застряла в дверях.

Он повернулся к выходу и быстрым аллюром рванул вперед, волоча ногу.

— У, дурацкая машина! — рявкнул он, хлопнув дверью.

Дин опять пододвинул к себе бумаги и взял карандаш. Уже поздно, нужно кончить работу.

Но он не видел бумаги. С того места, где она лежала, на него смотрели маленькие лица — их было много, большеглазые, серьезные, со взглядом, к которому трудно подобрать определение.

Ему был знаком этот взгляд — так на детских лицах впервые проявляется зрелость. Они слишком быстро развиваются.

— Нет, — сказал Дин сам себе. — Нет, этого не может быть!

Однако очевидным подтверждением этому была высокая успеваемость, необычно большое число стипендиатов, пренебрежение к спорту. И кроме того, отношение к жизни в целом. Дин припомнил, что несколько лет назад его просили написать об этом статью в журнал, посвященный вопросам воспитания.

Он попытался вспомнить, что же такое он написал в той статье, и постепенно кое-что вспомнил — о том, как родители должны осознать, что ребенок не последняя спица в колеснице, а полноправный член семьи, о том, что в школах нужно делать особый акцент на социальные науки.

— Разве я был не прав? — спросил он сам себя. — Разве это не так, разве это что-то другое или кто-то другой?

Он попытался сосредоточиться на работе, но не мог. Все это выбило его из колеи. Перед его глазами так и стояли улыбающиеся юные лица, они вглядывались в него.

Наконец он сунул бумаги в ящик и поднялся из-за сто-

ла. Надел видавшее виды пальто, водрузил на седую голову старую, помятую фетровую шляпу.

На первом этаже он увидел Стаффи, загонявшего на ночь последнюю автощетку в каморку. Стаффи был полон возмущения.

— Зацепиться за калорифер! — негодовал он. — Да если б я чуть замешкался, она бы сломала всю ходовую часть, — он с досады покачал головой. — Они, эти машины, хороши, только когда все в порядке. А случись что-нибудь — сразу паника.

Когда последняя машина вперевалку вползла в каморку, Стаффи со злостью захлопнул за ней дверь.

— Стаффи, ты хорошо знал Леймонта Стайлса? — спросил Дин.

Стаффи покрутил усы, как бы обдумывал ответ.

— Да, хорошо. Ведь мы с ним ровесники и в детстве дружили, а ты немного постарше.

Дин неторопливо склонил голову.

— Да, я помню, Стаффи. Только такие чудачки, как мы с тобой, и остались в нашем старом городе. А сколько народу уехало!

— Леймонт уехал в семнадцать лет. Зачем ему было оставаться? Его мать померла, отец с утра до ночи пил горькую. И все в один голос говорили, что из Леймонта не выйдет ничего путного.

— Легко ли мальчишке, когда весь город восстает против него?

— Что верно, то верно, — отозвался Стаффи. — Никто не был на его стороне. Уезжая, он мне сказал, что когда-нибудь вернется и покажет им, кто он такой. Но я-то подумал, что он расхвастался. Ну, как это обычно делают ребята, знаете, чтобы подбодрить самих себя.

— Как ты ошибся! — сказал Дин.

— Уж дальше некуда, Джон.

Потому что, пробыв на чужбине больше тридцати лет, Леймонт Стайлс вернулся, вернулся в старый, овеванный бурями дом на Меймпл-стрит, в пустой дом, который ждал его все эти одинокие годы; он вернулся, старый, хотя ему едва исполнилось пятьдесят, большой и сильный, хотя волосы у него теперь были белее снега, а кожа, обожженная чужими солнцами, стала дубленой; вернулся после долгих скитаний от одной далекой звезды к другой.

Но Милвилл для него не был своим. Город помнил его, а он забыл город. Годы, проведенные в чужих краях, исказили его представление о родном городе, и то, что он помнил о нем, скорее походило на сказку, чем на правду, — на сказку, которую породили годы, заполненные думами о прошлом, тоской и ненавистью.

— Мне надо идти, — сказал Дин. — У Керри, наверное, ужин готов. Она не любит, когда он стынет.

— Спокойной ночи, Джон, — сказал Стаффи.

Когда Дин закрыл за собой дверь и пошел на прогулку вниз по улице, солнце почти село. Он не предполагал, что уже так поздно. Керри обидится на него и накричит.

Дин что-то пробурчал себе под нос. Керри была не сравнима ни с кем.

Она не жена — у него никогда не было жены. Не мать и не сестра — обе они умерли. Просто домоправительница, преданно служившая ему долгие годы, немножко жена, немножко сестра, а иногда даже мать.

В привязанностях человека есть нечто странное, подумал Дин. Они ослепляют его, связывают, делают его таким, каков он есть. Это они помогают ему выполнять свой долг, с их помощью он достигает вершин, хотя эти вершины временами бывают серыми, бледными и очень неброскими.

Ничего похожего на ярко блистающие вершины Леймонта Стайлса, который шагнул на Землю со звезд и привез с собой эти странные создания — Воспителл. Привез их, устроил в своем доме на Меймпл-стрит, а потом через год-другой опять отправился к звездам, оставив Воспителл в Милвилле.

Чудно, что такой провинциальный городок и так спокойно принял их. Еще чудней, что матери Милвилла в свое время вверили детей заботам чужаков.

Заворачивая за угол на Линкольн-стрит, Дин встретил женщину с маленьким мальчуганом.

Он увидел, что это была Милдред Андерсон — вернее, когда-то она была Милдред Андерсон, но потом вышла замуж, и он, хоть убей, не мог вспомнить ее нынешней фамилии. Занятно, как быстро взрослеет молодежь, подумал он. Казалось, Милдред кончила школу от силы два года назад, но в глубине души он знал, что ошибается, — прошло уже больше десятка лет.

Он коснулся своей шляпы.

— Добрый вечер, Милдред. Ого, как вырос твой мальчик.

— Я хозю в кою, — пролепетал ребенок.

Мать уточнила:

— Он говорит, что ходит в школу. Он этим так гордится.

— Конечно, в школу присмотря?

— Да, мистер Дин. Воспителлы. Они такие милые. И так хороши с ребятами. Да к тому же плата. Точнее то, что ее нет. Просто приносите им букет цветов, или флакончик духов, или хорошую картинку, и они довольны. Они решительно отказываются брать деньги. Я не могу этого понять. А вы, мистер Дин?

— Нет, — ответил Дин. — И я не могу.

Он уже позабыл, какой болтушкой была Милдред. Сейчас он вспомнил, что был период, когда ее за это прозвали Трещоткой.

— Я иногда думаю, — сказала она торопливо, будто боясь что-то упустить, — что мы, люди, здесь, на Земле, слишком большое значение придаем деньгам. А вот Воспителлы, кажется, не знают, что такое деньги, или если и знают, то не обращают на них никакого внимания. Словно это что-то совсем незначительное. Это заставляет задуматься, верно, мистер Дин?

Теперь он вспомнил еще об одной ужасной особенности Милдред — каждый речевой период она неизбежно заканчивала вопросом.

Он и не пытался ответить ей. Он знал, что ответа не ждут.

— Мне надо идти, — сказал он. — Я и так уж опоздал.

— Мне было очень приятно вас повидать, мистер Дин, — проговорила Милдред. — Я так часто вспоминаю школьные денечки, и иногда мне кажется, что прошли долгие годы, а иногда — будто это было вчера, и...

— Правда, это очень приятно, — сказал Дин, приподнявши шляпу, и припустил чуть не бегом.

— Недостойное зрелище, когда среди бела дня на людной улице тебя обращает в бегство болтливая женщина, — проворчал он себе под нос.

Подойдя к дому, он услышал сердитый голос Керри.

— Джонсон Дин, — крикнула она, едва он переступил порог, — сейчас же садитесь за стол! Все давно простыло. Сегодня вечером у меня кружок. И рук не мойте!

Дин неторопливо повесил пальто и шляпу.

— Если уж на то пошло, мне и мыть-то их не надо, — сказал он. — У меня такая работа, что не очень-то выпачкаешься.

Она засуетилась, склонившись над столом, налила ему чашку кофе, переставила на середину стола бутылку пива.

— Ведь сегодня вечером у меня кружок, — сказала она, делая особое ударение на этих словах, чтобы ему стало стыдно за опоздание. — Я и посуду мыть не буду. Оставьте ее на столе. Когда приду — вымою.

Дин покорно уселся за стол.

Он и сам не понимал, в чем тут дело, но, бессознательно выполнив требование Керри, вдруг ощутил спокойствие и уверенность в себе.

Керри прошла через жилую комнату, величественно водрузив непоколебимую шляпу на голову с видом женщины, которая опаздывает на заседание кружка не по своей вине. Она поспешила к двери.

— Вам больше ничего не надо? — спросила она, окинув быстрым взглядом стол.

— Ничего. — Он хмыкнул. — Желаю хорошо провести время в кружке. Собрать как можно больше сплетен.

Это была его излюбленная колкость, и хоть он знал, что Керри будет взбешена — выходка и впрямь была детской, — но не мог удержаться.

Керри бросилась вон из комнаты, и он услышал, как она нарочито громко застучала каблуками.

С ее уходом в доме воцарилась гнетущая тишина, и, когда Дин сел за стол, комнату окутал глубокий сумрак.

Цел и невредим, подумал он. Старина Джонсон Дин, учитель, цел и невредим в доме, который построил еще его дед — сколько же лет назад? Теперь он кажется несовременным, с его комнатами, расположенными на одном уровне, с камином, выложенным кирпичом, с двойным гаражом, пристроенным к дому, и с большим пнем перед окнами.

Невредим и одинок.

Невредим, несмотря на угрозу, на подкравшуюся к нему тревогу, такую незаметную, что ее и распознать нельзя.

Он покачал головой.

Но вот одиночество — другое дело. Это можно объяснить. Молодые и очень старые всегда одиноки, подумал он. Молодые — потому, что еще не установили связей с обществом, а старые — потому, что уже разорвали их.

Здесь многое может прийти в голову, сказал он себе. Общество состоит из разных слоев, из разных слоев и прослоек и делится на группы по возрасту, роду занятий, образовательному цензу и финансовому статусу. И это еще не все. Такое деление можно продолжать до бесконечности. Было бы интересно, если б у кого-то хватило времени создать таблицу расслоения человечества.

Он кончил ужинать и тщательно вытер рот салфеткой.

Он знал, что надо хотя бы собрать тарелки и навести порядок на столе. По совести говоря, посуду следовало бы

вымыть. Он и так своим опозданием причинил Керри столько хлопот, но не мог заставить себя приняться за работу. Никак не мог взяться.

Теперь он понял, что бессмысленно оттягивать это дело, бессмысленно увертываться от этого беспокойства, которое его все время изводит. Он понимал, с чем ему придется столкнуться, если только до этого дойдет дело.

Конечно, у Стаффи ум за разум зашел. Это не может быть правдой. Слишком уж он умничает, наверное, воображение разыгралось.

Ребята теперь такие же, как и всегда.

Разве что за последний десяток лет у них заметно улучшилась успеваемость.

Разве что во много раз возросла их эрудиция.

Разве что притягательность спортивных соревнований для них уменьшилась.

Да еще эти торжественные детские лица с сияющими глазницами, они неотрывно глядят на него с бумаг на столе.

Он стал медленно расхаживать взад-вперед по ковру перед большим кирпичным камином.

Он ударил старым, слабым кулаком по дрожащей ладони.

— Не может этого быть! — твердо сказал он себе.

И все же перед лицом очевидности следовало признать, что это правда.

Дети в Милвилле выросли быстрее, они росли в интеллектуальном отношении намного быстрее, чем им было положено.

А может, здесь кроется и еще что-то.

Вдруг они растут, словно бы опережая всех остальных по развитию мышления. Например, это странное отношение к спорту. Потому что спорт, на какой бы то ни было основе, хоть и усовершенствованный, все же в какой-то степени остается продуктом прошлого человечества.

Если б он только мог как-нибудь проникнуть в мысли учеников — тогда, может быть, что-то и удалось бы понять.

Но это невозможно. Слишком высоки и сложны барьеры, слишком сильно забыты линии коммуникаций. Ибо он стар, а они молоды, он — власть, а они — его подчиненные. Опять разные напластования отделяют их от него. Никак к ним не подойти.

Конечно, всегда можно сослаться на что-нибудь, но это может прозвучать нелепо. Однако самое главное — точно выяснить, какие цели преследуют Воспитательны, и выработать свою линию поведения.

Стаффи мог ошибиться. Фантастично само предположение, что Воспитательны расставляют такие сети.

Особенно чудно, что Воспитательны, эти чужаки, обосновались в Милвилле солидно, как старожилы. Он был уверен, что они не пожелают подвергнуть хоть малейшему риску положение, уже завоеванное ими, -- то, что всех их признали, предоставили в основном самим себе и говорят о них мало,

Они сделают все возможное, чтобы не привлекать к себе внимания. За эти долгие годы слишком уж много чудаков нажило себе неприятности из-за того, что совали нос в чужие дела. Хотя, если пораскинуть умом, то, что с человеческой точки зрения можно считать предосудительным, с точки зрения чужаков, возможно, представляется нормой поведения.

Воспителлам еще сильно повезло, что у них на родине мыслящие существа внешне похожи на человека. Они на деле зарекомендовали себя прекрасными детскими воспитателями, поэтому их стали высоко ценить и с готовностью приняли в свои ряды.

Вот уже много лет они пекутся о детях Милвилла, ведь они обладают всеми достоинствами воспитателей. Некогда они организовали школу присмотра, хотя теперь он припоминает, что в связи с этим было немало шума, поскольку Воспителлы совершенно сознательно не придерживались установленных правил обучения.

Он включил свет и подошел к полкам поискать что-нибудь для чтения. Но ни одна из книг не пробудила в нем интереса. Он провел пальцем по корешкам томов, пробежал глазами заголовки, но не нашел абсолютно ничего.

От книжной полки он шагнул к широкому окну и выглянул наружу. Уличных фонарей еще не зажгли, но в окнах там и здесь уже горел свет, и время от времени по мостовой медленно проезжала какая-нибудь машина, ее рыскающие фары выхватывали из тьмы то дрожашую под ветром листву, то пригнувшуюся к земле кошку.

Эта улица была одной из самых старых в городе: когда-то Дин знал всех ее обитателей. Он без малейших колебаний мог бы назвать их имена — Вилсон, Бекет, Джонсон, Рэндом, — но никто из них здесь больше не живет. Имена были уже не те, и лица незнакомые; разные слои людей смешались, и теперь он не знал почти никого на этой улице.

Молодые и очень старые — вот кто по-настоящему одинок, подумал он.

Он пошел к креслу и сел перед зажженной лампой. И вдруг почувствовал, что его ужасно тянет встать, но вроде не было дел, разве что мыть посуду, а заниматься этим не хотелось.

Можно пойти погулять, сказал он себе. Прекрасная мысль: вечерняя прогулка хорошо успокаивает.

Надевши пальто и шляпу, он прошел ворота и повернул налево.

И только пройдя больше полпути, оставив в стороне деловой район, он отдал себе отчет в том, что направляется к дому Стайлса, к Воспителлам.

Он не представлял себе, что ему там делать, что он там может узнать. Никакой реальной цели он не преследовал. Словно какая-то невидимая сила толкала его туда, будто у него не было выбора.

Он подошел к дому Стайлса и, стоя на тротуаре, оглядел его.

Это был старый дом, окруженный тенистыми деревьями — их посадили много лет назад: двор, выходящий на улицу, весь зарос кустарником. Иногда вдруг кто-то приходил, подстригал лужайку, а может, и подрезал зелень и приводил в порядок клумбы, чтоб отблагодарить Воспителл за заботу о детях, потому что Воспителлы не брали денег.

Чудно, что они совсем не берут денег, подумал Дин. Будто деньги им и не нужны, если б они у них и были, Воспителлы бы не знали, что с ними делать. А может, деньги им и вправду не нужны — ведь никто не видел, чтобы они что-то покупали, они вели один и тот же образ жизни и никогда не болели, во всяком случае, этого никто не замечал. Может быть, временами они мерзли, хотя никто из них даже не заикнулся об этом, но топлива не покупали, а Леймонт Стайлс оставил определенную сумму для уплаты налогов — так, может, деньги им и вправду ни к чему?

А было время, когда в городе ломали голову над тем, как Воспителлы обходятся без пищи или, во всяком случае, не покупают еды. Потом об этом перестали судачить — жители, видно, поня-

ли, что насчет этих чужаков ничего не узнаешь, не надо и пытаться.

Внезапно Дин осознал, что дом Стайлса даже старше его собственного. Он был построен не по единому плану — такие дома были в моде много десятков лет назад.

Окна были занавешены тяжелыми портьерами, но в щелки пробивался свет, и Дин понял, что Воспителлы у себя. Ведь они никуда не отлучались из дому, разве что нужно было присмотреть за младенцами, но в последние годы у людей вошло в привычку не приглашать их к себе, а оставлять детишек в их доме. Ребята у них никогда не плачут, даже самые крошечные. Им всем очень нравится бывать у Воспителл.

Он сделал еще несколько шагов и, поднявшись на крыльцо, позвонил.

Подождав немного, он услышал какое-то движение в доме.

Дверь отворилась, и на пороге, загорая светом, появилась одна из Воспителл. Дин уже совсем забыл их облик — ведь он видел Воспителл много лет назад.

Вскоре после того, как Леймонт Стайлс вернулся домой, Дин припомнил, что встретил всех троих и потом время от времени видел на улице издали кого-нибудь из них по одной. Но воспоминания о них и удивление при виде их изгладились из памяти, и сейчас как будто заново, с прежней силой его поразили неведомая грация, неожиданное ощущение, будто он увидел какой-то необыкновенно нежный цветок.

Лицо это, если его вообще можно было так назвать, светилось добротой, оно было слишком нежным, таким нежным, что в нем совсем не чувствовалось характера и даже индивидуальности. Удивительная кожа, румяная, словно лепестки цветка, а тело стройное до неправдоподобия, и все же оно настолько исполнено грации и гармонии, что при виде его не думаешь о его хрупкости. От всей ее фигуры веяло такой милой простотой, что все остальное перед этим меркло.

Нет ничего удивительного в том, что дети так любят их, поймал себя Дин на этой мысли.

— Мистер Дин, — сказала Воспителла, — пожалуйста, войдите. Это для нас большая честь.

— Спасибо, — ответил он, снимая шляпу.

Он сделал несколько шагов и услышал, как закрылась дверь, и вот Воспителла оказалась снова рядом с ним.

— Пожалуйста, в это кресло, — заметила она. — Оно у нас специально для особо почетных гостей.

Все было очень просто и по-дружески, однако на этом лежал отпечаток чего-то неведомого.

Где-то в доме послышался детский смех. Дин повернул головой, чтобы понять, откуда же он доносится.

— Это из детской, — сказала Воспителла. — Я закрою дверь.

Дин погрузился в кресло и положил старую, мятую шля-

пу на свое костлявое колено, поглаживая ее костлявыми пальцами.

Воспителла возвратилась и села на пол перед Дином, села таким неувловимым движением, без малейшего усилия, что у Дина создалось отчетливое впечатление, будто подняли вверх пол.

— Ну, — сказала Воспителла таким тоном, словно хотела намекнуть, что теперь все ее внимание приковано к Дину.

Но он молчал, потому что в комнате все еще слышался смех. Даже когда дверь в детскую закрыли, все еще слышался детский смех. Он заполнял комнату, это был по-настоящему счастливый, веселый, непринужденный, искренний, беспечный смех ребят, которые упиваются игрой.

Но этого было мало.

Искорка детства сверкала в воздухе, и у Дина возникло давно забытое чувство, что он вне времени, что день никогда не кончится, что о конце его даже подумать невозможно: легкий ветерок из несбыточной страны принес с собой запах ручья, что уносит по течению флотилии опавших осенних листьев, и чуть слышное благоухание клевера и ноготков, и аромат пушистого, только что выстиранного одеяла, какие бывают на детских кроватках.

— Мистер Дин, — сказала Воспителла.

Он виновато вскинулся.

— Простите, — сказал он Воспителле. — Я тут заслушался ребят.

— Но ведь дверь закрыта.

— И все же в этой комнате дети, — проговорил Дин.

— В комнате нет детей.

— Совершенно верно, — ответил он. — Совершенно верно.

Но они были здесь. Он мог слушать их смех и топот их ног.

Здесь были дети или, по крайней мере, такое ощущение, будто они здесь есть и будто здесь много цветов, которые на самом деле давным-давно засохли и погибли, но ощущение осталось. И ощущение красоты — красоты в ее разных проявлениях — и в цветах, и в ювелирных поделках, и в маленьких картинах, и в веселых разноцветных шарфах — вещах, которые на протяжении многих лет давали Воспителлам вместо денег.

— Эта комната, — запинаясь, смущенно сказал он. — До чего же приятная комната. Мне здесь так хорошо.

Он почувствовал, что в этой комнате окунается в юность и веселье. Если б он мог, подумалось ему, если б он только мог, он бы влился в течение этой жизни и был бы таким, как они.

— Мистер Дин, — сказала Воспителла, — вы очень чувствительны.

— Мне очень много лет. Может быть, в этом причина, — ответил Дин.

Комната была одновременно старой и старомодной, словно два столетия назад, — небольшой кирпичный камин, отделанный белым деревом, сводчатые дверные проемы и

окна от потолка до пола, скрытые тяжелыми черно-зелеными занавесями с золотой нитью. Здесь царили прочно обосновавшийся комфорт и ощущение большой надежности, которого современная архитектура — алюминий и стекло — никак не могла дать.

— Я человек старого склада и, видимо, скоро совсем впаду в детство, — сказал Дин. — Боюсь, что для меня опять настало время уверовать в сказки и волшебство.

— Это не волшебство, — ответила Воспителла. — Это наш образ жизни, только так и можем жить.

— Конечно.

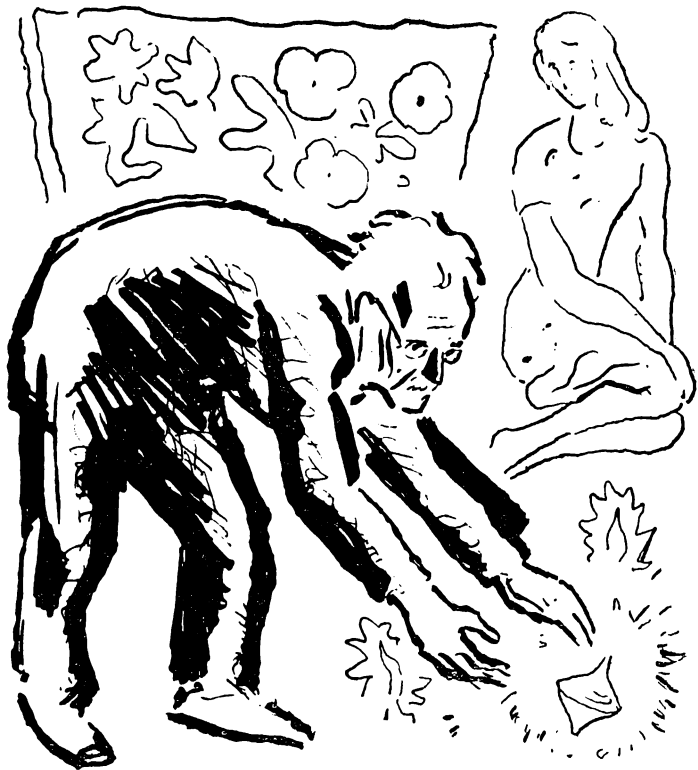
Он снял мятую шляпу с колена и медленно поднялся.

Теперь смех казался слабее, а топот — тише. Но ощущение юности — свежести, кипучей силы, радости — все еще наполняло комнату. Оно озарило своим сиянием всю эту старую ветошь, и сердце Дина внезапно защемило от счастья.

Воспителла все еще сидела на полу.

— Вам что-нибудь нужно, мистер Дин?

Дин мял в руках шляпу.

— Больше ничего. Кажется, я получил ответ.

Даже произнося эти слова, он не мог поверить, он знал, что невозможно поверить, будто он когда-то, стоя перед дверью этого дома, твердо считал, что до правды докопаться нельзя.

Воспителла встала.

— Вы придете к нам еще? Мы будем очень рады видеть вас.

— Может быть, — сказал Дин и повернулся к двери.

Вдруг на полу возник вертящийся волчок, золотой волчок, искрящийся драгоценностями, он вбирал свет и разбрасывал вокруг себя тысячи сверкающих цветных бликов, и его кружение сопровождалось мелодичным свистом — чем-то вроде музыки, запрятанной внутрь и расплавляющей человеческую душу.

Дин почувствовал, что надо уходить, хотя, сидя в кресле, он думал, что уйти для него невозможно. И снова донесся смех, и реальный мир куда-то уплыл, и внезапно комната наполнилась волшебным светом рождества.

Он быстро сделал шаг вперед и уронил шляпу. Он больше не знал ни своего имени, ни того, где он сейчас, ни как он попал сюда, — все это ему было безразлично. Он почувствовал, как счастье в нем бурлит и переливается через край, и он наклонился, чтобы достать волчок.

Дина отделяло от него лишь один-два дюйма, и он, наклонившись, сделал еще шаг, протянул руку — и попал пальцем ноги в дыру на старом ковре и рухнул вниз.

Волчок пропал, и рождественские огни погасли, и опять перед ним возник реальный мир. Ощущение бурлящего счастья исчезло, и в этой комнате — убежище для всех — остался лишь старик, который сился встать с пола, чтоб оказаться лицом к лицу с Воспителлой.

— Простите, — сказала Воспителла. — Вы почти дотянулись. Может быть, в другой раз.

Дин покачал головой.

— Нет! Только не в другой раз!

Воспителла мягко ответила:

— Мы не могли предложить вам ничего лучшего.

Дин неумело водрузил шляпу на голову и, дрожа как в лихорадке, повернулся к двери. Воспителла открыла ее, и Дин, пошатываясь, вышел на улицу.

— Приходите еще раз, — сказала Воспителла самым мягким тоном. — В любое время.

На улице Дин остановился и привалился к дереву. Он снял шляпу и вытер лоб.

Если раньше Дин был просто потрясен, то теперь в его душу вполз страх — страх перед существами, устроенными иначе, которые едят не как люди, а по-другому, которые питаются юностью и красотой, которые отщипывают по кусочкам радость у веселящегося ребенка, питаются смехом.

И не удивительно, что здешние дети взрослей, чем полагается быть в их годы. Потому что чужаки лишают их ребячливости. Каждому человеку, наверное, положено немало веселья и детского смеха, подумал он. Иной исполь-

зует не все, что ему причитается, на это может быть лимит, а другой истратит все до конца, радость уйдет, он будет взрослым, а в душе у него не останется больше ни смеха, ни удивления.

Воспитательницы не берут денег. Им и не к чему их брать, потому что деньги им не нужны. В доме у них чего только нет, чего только они не накопили за долгие годы!

И вот за все это время он первый ощутил, он первый выявил истинную сущность чужаков, привезенных домой Леймонтом Стайлсом. Грустно было сознавать, что он первый это обнаружил. Он сказал себе, что он стар, может, потому и оказался первым. Но это были всего лишь слова, почти автоматически сорвавшиеся с губ, просто он сам себя пожалел. Однако можно было предположить и это.

Он всегда беспокоился о том, что стареет, сказал он себе, будто сам факт старения хоть кто-то считал достоинством. Он забывал о настоящем, зато его озабоченность по поводу прошлого росла все больше и больше. Он начал впадать в детство и сам об этом знал — может, разгадка заключалась в этом? Может, поэтому он видел волчок и рождественские огни?

Ему хотелось знать, что бы произошло, если бы он схватил волчок.

Он надел шляпу на затылок, оторвался от дерева и медленно побрел вверх по улице, направляясь к дому.

Что он может сделать теперь, когда он раскрыл тайну Воспитателл, спрашивал он себя. Конечно, он мог бы побежать и растрезвонить об этом, но никто бы ему не поверил. Его бы вежливо выслушали, чтобы не ранить чувства старика, но любой житель городка счел бы это игрой воображения, и тут ничего нельзя было поделаться. Потому что, кроме собственной непоколебимой уверенности, он бы не располагал ни единым доказательством.

Он мог бы обратить внимание на то, что молодежь теперь рано созревает, подобно тому как сегодня днем на это обратил внимание Стаффи. Но он не сумеет доказать даже это, так как в конечном счете все жители городка дадут рационалистическое объяснение случившемуся. Даже если других причин не найдется, они это сделают из чувства родительской гордости. Ни один человек не будет очень удивляться тому, что у его сына или дочери особенно хорошие манеры и что по развитию молодежь Милвилла стоит выше среднего уровня.

Казалось бы, родители должны заметить, им следовало бы это понять — ведь не могут же дети всего городка быть так хорошо воспитаны и так уравновешенны. И все же никто ничего не замечал. Перемены подкрадывались так медленно, происходили так гладко, что просто не были заметны.

Да уж если на то пошло, он и сам не заметил их, он, кто большую часть жизни был теснейшим образом связан с этими самыми детьми, в которых теперь находит так много удивительного. А если уж и он не заметил, то как можно ждать, чтобы это сделал кто-то другой? Болтливому

старика вроде Стаффи, который лезет куда не нужно, остается только говорить правду.

В горле у него пересохло и засосало под ложечкой. Больше всего ему сейчас хотелось чашечку кофе, сказал он себе.

Он свернул на улицу, которая вела в деловую часть города, и побрел по ней, нагнув голову, как бы вступая в сражение с темнотой.

Чем все это кончится, спросил он себя. Кому выгодно, чтобы дети не видели детства? Чтоб их обкрадывали? Какова цена того, что подрастающие юноши и девушки бросают игры намного раньше срока, что они прежде времени приобретают отношение к миру такое же, как у взрослых?

Кое-какая выгода очевидна. Дети Милвилла послушны и вежливы, к игре они подходят творчески.

Но все несчастье в том, что стоит им только задуматься над этим, как они перестают быть детьми.

Ну, а в будущем? Будет ли Милвилл поставщиком великих государственных деятелей, ловких дипломатов, первоклассных педагогов и талантливых ученых? Может быть, да, однако не это главное. Но чтобы выработать у них эти качества, детей обкрадывают, лишают детства — вот что самое главное.

Дин оказался в деловом районе, занимавшем не больше трех кварталов, и медленно побрел вниз по улице, направляясь к единственной в городке аптеке.

В аптеке было лишь несколько человек. Он прошел к стойке для ленча и взобрался на высокую табуретку, надвинув на глаза мятую шляпу, и ухватился за край стойки, чтоб руки не дрожали.

— Кофе, — сказал он девушке, которая подошла принять заказ, и она принесла кофе.

Он сделал маленький глоток, но кофе был слишком горячим. Дин уже жалел о том, что пришел.

Внезапно он почувствовал себя совсем одиноким и чужим среди блеска ламп и металла, будто он припелся из прошлого и занял место, предназначенное для настоящего.

Он почти никогда не появлялся в деловом районе, и, наверное, поэтому у него родилось такое чувство. Еще того реже появлялся он здесь вечером; впрочем, некогда он тут бывал.

Дин улыбнулся, вспомнив, как они когда-то собирались и болтали в кружках о всякой всячине, не придавая этому особого значения.

Но теперь все это кончено. Его товарищей больше нет. Одни умерли, другие уехали.

Так он сидел в раздумье, понимая, что расчувствовался, но не придавая этому значения, — он слишком устал и ослаб, чтобы перебороть себя.

Чья-то рука коснулась его плеча, и он в удивленье обернулся.

Перед ним стоял молодой Боб Мартин, он улыбался,

но с таким видом, будто не был вполне уверен в том, что поступает правильно.

— Сэр, мы вон там, за тем столиком, — сказал молодой Мартин.

Дин кивнул.

— Очень приятно, — пробормотал он.

— Мы хотели узнать, может... то есть, мистер Дин, мы были бы очень рады, если бы вы к нам присоединились.

— В самом деле, с вашей стороны это весьма любезно.

— Мы не имели в виду, сэр... то есть...

— Ну конечно, — сказал Дин. — Я буду очень рад.

— Разрешите перенести ваш кофе, сэр. Я не пролью ни капельки.

— Доверяю тебе, Боб, — сказал Дин, поднимаясь из-за стола, — у тебя верная рука.

— Я сейчас вам объясню, мистер Дин. Не то чтобы я не хотел играть... Просто...

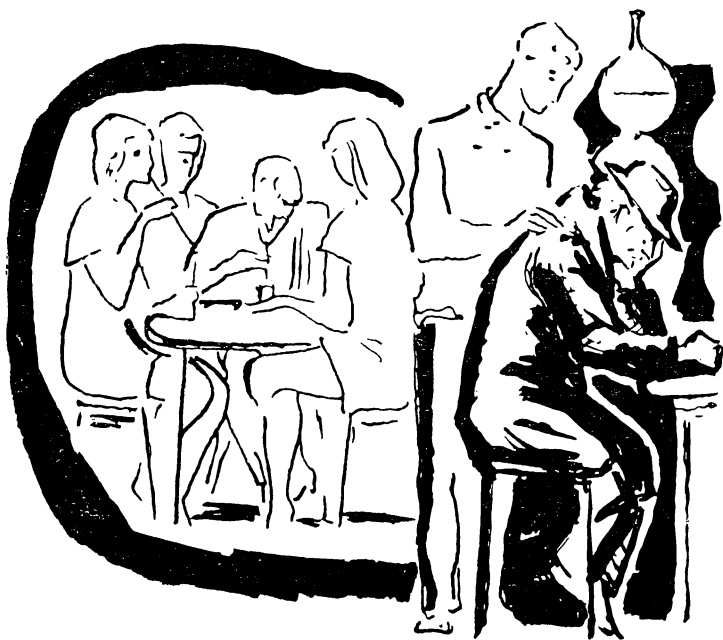
Дин слегка похлопал его по плечу.

— Я понимаю. Не к чему объяснять.

Он помедлил секунду, пытаясь сообразить, стоит ли рассказывать о том, что у него на уме.

И решил:

— Если ты не проболтаешься тренеру, я даже скажу, что согласен с тобой. В жизни бывают такие этапы, когда регби начинает казаться довольно глупой игрой.

Мартин с облегчением улыбнулся.

— Вы попали в самую точку. Вот именно.

Он пошел к своему столику.

За столом сидело четверо — Рональд Кинг, Джордж Уэдз, Джуди Чарльсон и Донна Томпсон. Все до одного хороши, подумал Дин. Как на подбор! Он смотрел, как они неторопливо потягивают содовую, стараясь растянуть удовольствие.

Они смотрели на него и улыбались, и Джордж Уэдз отодвинул один из стульев, как бы приглашая Дина. Тот осторожно сел и положил шляпу на пол за своим стулом. Боб пододвинул ему кофе.

— С вашей стороны было очень любезно вспомнить обо мне, — сказал Дин и удивился, почему он чувствует себя скованным. В конце концов это его дети — дети, которых он каждый день видел в школе, те, кого он лелеял и побуждал учиться, дети, которых у него самого никогда не было.

— Как раз вы нам и нужны, — сказал Рональд Кинг. — Мы тут говорили о Леймонте Стайлсе. Он единственный милвилец, который побывал в космосе и...

— Вы, должно быть, его знали, мистер Дин, — сказала Джуди.

— Да, — неторопливо ответил Дин. — Я его знал, но хуже, чем Стаффи. Они со Стаффи вместе провели детство. Я был немного старше.

— Что он за человек? — спросила Донна.

Дин хмыкнул.

— Леймонт Стайлс? Он был в нашем городке козлом отпущения. Когда он учился в школе, ни денег, ни домашнего очага у него не было, он так и не доучился. Если в городе что-то приключалось, вы могли ругаться головой, что в этом замешан Леймонт. Каждый встречный и поперечный утверждал, что из Леймонта ничего путного не выйдет, а так как о нем судачили часто и долго, Леймонт, должно быть, принимал это близко к сердцу...

Он говорил еще и еще, и они задавали ему вопросы, а Рональд Кинг сходил к стойке и принес ему еще одну чашечку кофе.

От Стайлса разговор перекинулся на регби. Кинг и Мартин повторили ему то, что сказали тренеру. Потом затронули проблемы школьного самоуправления, а потом перешли к обсуждению новой, недавно открытой теории ионного двигателя.

Дин не всегда принимал участие в разговоре; он много слушал и сам задавал вопросы, и время промелькнуло незаметно.

Внезапно огни начали мигать, и Дин в изумлении поднял глаза.

Джуди, смеясь, разъяснила:

— Это сигнал к закрытию. Значит, нам пора уходить.

— Понятно, — сказал Дин. — А что, с вами частенько так бывает -- то есть, я хочу сказать, часто вы сидите здесь до самого закрытия?

— Не очень, — ответил ему Боб Мартин. — В будни больно уж много задают.

— А я вот помню, когда-то давно такое со мной было, — начал Дин, но осекся на полуслове.

Да, и впрямь давно, подумал он. И сегодня вечером — снова!

Он окинул их взглядом — пять лиц склонились над столом. Вежливы, добры и почтительны, подумал он. Но этого мало.

В разговоре с ними Дин забыл о том, что он стар. Они принимали его просто как еще одно живое существо, а не как человека преклонных лет, не как символ авторитета. Они стали ему близки, он почувствовал, будто он — один из них, а они — это он, они сломали не только барьер между учениками и учителем, но и барьер между молодостью и старостью.

— У меня здесь машина, — сказал Боб Мартин. — Разрешите подвезти вас до дому.

Дин подобрал с пола шляпу и медленно поднялся на ноги.

— Нет, спасибо, — сказал он. — Пожалуй, я лучше пройду пешком. Мне нужно кое-что обдумать, а когда идешь, думается лучше.

— Приходите еще, — сказала Джуди Чарльсон. — Может, как-нибудь в пятницу вечером.

— Спасибо, — ответил Дин. — Пожалуй, я приду.

Большие дети, сказал он себе с некоторой гордостью. Намного добрее и вежливее обычных подростков. Ни нахальства, ни снисходительности, будто они и не дети, и все же есть в них великолепие юности, и мечтательность, и честолюбие, что идут рука об руку с юностью.

Повзрослевшие прежде времени, лишенные цинизма. А это очень важно — отсутствие цинизма.

Конечно, в их человеколюбии нет ничего дурного. Быть может, именно этой монетой и платили Воспителлы за украденное детство.

Если только они и впрямь его украли. Потому что, может, они и не крали, может, просто взяли его, чтобы отложить про запас и отдать его потом. А если это так, то Воспителлы одарили ребят новым чувством зрелости и новым ощущением равенства. И взяли у ребят другое — то, что так или иначе пропадало впустую, нечто такое, чему люди, в сущности, не находили применения, но для Воспителл это было основой основ.

Они ловили быстротечные мгновения и удерживали их, и вот он — урожай многих лет, дом был доверху набит ими.

Леймонт Стайлс, спросил он, ведя мысленный разговор с этим человеком через долгие годы, через дальние расстояния, ты об этом знал? Какую цель ты преследовал?

Может, это был вызов самодовольству чопорного городка, который вынудил его стать сильным? Может, надежда, а может, и уверенность, что ни один милвиллеец больше уже не скажет ни про кого из ребят, как говорили про

Леймонта Стайлса, что из этого мальчика или девочки ничего путного не выйдет.

Это, конечно, важно, но это еще не все.

Донна дотронулась до него и потянула за рукав.

— Пошли, мистер Дин, — настойчиво звала она. — Вам нельзя здесь оставаться.

Они все вместе направились к двери, попрощались, и он вышел на улицу, как ему показалось, немного быстрее обычного.

Но это потому, что теперь он стал чуть моложе, чем был два часа назад, совершенно серьезно сказал он себе.

Он пошел вверх по улице, мимо лужайки, заросшей кустарником, и увидел, что свет все еще просачивается сквозь спущенные занавески.

Он остановился у крыльца. Внезапно у него мелькнула мысль: «Это и Стаффи, и я сам, и старина Эйб Хокинс. Нас много...»

Дверь отворилась: на пороге стояла Воспителла, спокойная и красивая. Она несколько не удивилась. Словно она специально ждала меня, подумал Дин.

И увидел остальных, которые сидели у камина.

— Пожалуйста, входите в дом, — сказала Воспителла. — Мы очень рады тому, что вы решили вернуться. Все дети ушли. Давайте поговорим в тишине и покое.

Он вошел, снова сел в кресло и аккуратно положил шляпу себе на колено.

Еще раз дети пробежали по комнате, и он почувствовал себя вне времени и пространства и услышал смех.

Он сидел в кресле и думал, покачивая головой, а Воспителлы ждали.

Трудно, думал он. Трудно найти нужные слова.

И вновь, как много лет назад, он почувствовал себя учеником, которого учитель вызвал отвечать урок.

Они все еще ждали, но они были терпеливы: надо дать ему время. Он должен сказать обо всем как следует. Он должен добиться того, чтоб они поняли. Он не может просто чесать языком. Его слова должны прозвучать естественно и в то же время должны быть логичными.

Но как сделать, чтобы в них была логика, спросил он себя.

В том, что старики, подобные ему и Стаффи, нуждаются в Воспителлах, не было ни грана логики.

Перевод с английского Е. ВАНСЛОВОЙ

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Очень часто Клиффорд Саймак, один из видных западных писателей-фантастов, пробует представить в своих произведениях контакты человечества с разумными существами иных миров. Советскому читателю хорошо известны такие его произведения, как, например, «Детский сад» или «Денежное дерево» (последний рассказ был опубликован в «Искателе» в 1966 году). Как же

чаще всего представляет себе американский фантаст эти контакты?

В рассказе «Детский сад» неведомая машина, заброшенная на Землю какой-то высшей цивилизацией, щедро одаривает людей подарками, излечивает безнадежно больного человека, прекращает вспыхнувшую эпидемию... Герой «Денежного дерева», простой и хороший парень Чак Доул тоже готов получить от космических пришельцев подарок — удивительное растение, на котором вместо листьев — двадцатидолларовые бумажки... Да, невероятны могут быть сюжеты произведений Саймака, посвященных проблеме Контакта, но во всех них без труда прослеживается одна и та же главная мысль: инопланетяне обязательно должны в чем-то помочь людям, чему-то их научить, что-то им дать...

Потому что в современном капиталистическом мире каждый честный человек не может не видеть симптомов неизлечимой болезни, не может не встревожиться ими и не искать спасительного выхода.

Эта тревога звучит в рассказе Саймака «Воспителлы». Ведь здесь представители иной цивилизации прибывают на Землю для того, чтобы спасти подрастающее поколение американцев от духовного и нравственного обнищания, которое им уготовано. Маленькие герои рассказа становятся лучше, умнее, благороднее лишь потому, что они окружены заботой Воспителл. Именно Воспителлы учат их ценить и беречь, сохранять лучшие человеческие качества: доброту и щедрость, честность и дружбу, мужество, искренность... Словом, именно те человеческие качества, которых нет места в мире буржуазных порядков.

Воспителлы — это символ иного воспитания. Воспитания, о котором мечтает писатель в своем рассказе. Но этот рассказ (так же как и другие произведения Саймака, посвященные Контакту) вскрывает и очевидную слабость мировоззрения писателя. Ведь, по мысли Саймака, только пришельцы, только представители иных цивилизаций способны изменить положение вещей, сложившееся в его стране. Иных путей социальных изменений писатель не видит, и поэтому ему остается только мечтать. Мечтать о добрых феях, которые прилетят с других планет сеять добро на Земле. Грустная это мечта!
